Глава 5

Одним словом — нужда

Ремесло писца оказалось далеко не таким прибыльным, как представлял себе Чу Цы. Он просидел за столиком всё утро, но не выручил ни единого медяка.

«Ну и дела, — невольно вздохнул он про себя. — Мало того что впустую потратил двадцать монет, так ещё и проторчал здесь полдня как дурак»

Чтобы хоть немного успокоиться, юноша открыл шкатулку с тушью, расстелил на столе чистый лист и решил попрактиковаться в каллиграфии. Прежний владелец тела, будучи сюцаем, писал почерком строгим и правильным — его иероглифы походили на оттиски из одной формы.

Сам же Чу Цы вырос в семье потомственной интеллигенции и с кистью был на «ты». В своё время он увлекался стилем Янь, потом перешёл на изысканное «тонкое золото», а после довольно долго практиковал стремительное цаошу.

Его скоропись выглядела величественной и мощной. Однажды он дополнил каллиграфией картину, и ту купили за баснословные деньги — больше ста тысяч.

Покупателем тогда оказался типичный богач-выскочка: едва сколотив состояние, он тут же возжелал приобщиться к прекрасному и через десятые руки вышел на Чу Цы. Тот тогда только поступил на первый курс и, не умея распоряжаться средствами, промотал семестровое пособие за месяц. Гордость не позволяла просить денег у родителей, так что пришлось выкручиваться самому.

Он честно признался покупателю, что уговорить деда на работу не получится, но зато он сам — прямой наследник мастерства, перенявший и манеру письма, и технику живописи. Не хочет ли господин рассмотреть его кандидатуру?

Тот поначалу колебался, но, впечатлённый спокойной уверенностью и безупречными манерами юноши, согласился. Правда, сразу предупредил, что цена будет иной. Мастер и внук мастера — величины разного порядка.

Чу Цы всё понимал. Он предложил заказчику взглянуть на результат, а потом уже платить.

Богач, не желая ссориться с внуком великого мастера и опасаясь показаться скупым, на всякий случай выдал аванс в двадцать тысяч.

Юноша именно на это и рассчитывал. Купив на эти деньги лучшие краски, кисти и бумагу, он создал четырёхметровое полотно «Хуанхэ впадает в море», сопроводив его восемью размашистыми иероглифами: «Море принимает все реки — величие в многообразии».

Заказчик, которого звали Чжао Дахай, едва увидев картину, пришёл в неописуемый восторг. Он рассыпался в похвалах, признавая в работе небесный дар, а автор лишь хранил на лице маску возвышенного безразличия, давая понять, что для него это сущий пустяк.

Остался Чжао Дахай так доволен, что заплатил куда больше, чем ожидалось. Тех денег хватило на долгие месяцы безбедной жизни.

Вспоминая те времена, Чу Цы ещё острее чувствовал горечь нынешнего положения. Он бы и рад снова продавать картины, да только, во-первых, его мастерство могло обмануть лишь того, кто ничего не смыслит в искусстве, во-вторых, на холст и краски у него не было ни гроша, а в-третьих — в этом городке вряд ли нашёлся бы ценитель.

Тяжело вздохнув, он обмакнул кисть и вывел на бумаге один-единственный иероглиф — «нужда».

— Блестяще!

Внезапный возглас заставил его вздрогнуть. Сюцай поднял голову и увидел перед собой мужчину средних лет в богатом шёлковом халате. Тот буквально впился взглядом в лист бумаги.

— Вы мне льстите, — ответил тот, втайне сокрушаясь. Стоило ли писать именно это слово? Мог ведь выбрать что-то более благородное.

— Юноша, позволь узнать, у какого мастера ты обучался? Никогда прежде не встречал подобного почерка.

Иероглифы на бумаге были живей классического устава и изящней обычной скорописи. Казалось, автор взял лучшее от обоих стилей, приправив это едва заметными штрихами собственной манеры. Смотреть на такое письмо было истинным удовольствием.

— Это лишь плод моих скромных раздумий, — отозвался он. — Боюсь, такая манера слишком далека от канонов.

На самом деле он подражал беглому уставу, вплетая в него элементы других стилей. Можно сказать, этот почерк действительно стал его собственным творением.

— Хорошее письмо, на редкость хорошее… — Мужчина едва удерживался от того, чтобы схватить лист и приняться изучать его вблизи.

Он был управляющим книжной лавкой и по долгу службы привык иметь дело с рукописями. Любовь к каллиграфии была у него в крови: он взирал на искусные иероглифы так же, как гурман на изысканное яство, а ценитель вин — на старый выдержанный нектар. Сердце его

истомилось от предвкушения.

— Вот что, дружище. Ты ведь пишешь письма на заказ? Мне как раз нужно отправить весточку родным. Напиши её этим самым почерком.

Просить работу в подарок он постеснялся, поэтому решил пойти иным путём.

Чу Цы мигом приободрился — наконец-то пришла удача.

— К вашим услугам, господин. Оплата у меня по количеству знаков: одна медная монета за каждые десять иероглифов.

— Договорились. Пиши…

И мужчина заговорил. Он разливался соловьём, превращая простое семейное послание, которое можно было уместить в полсотни знаков, в бесконечную тираду, напоминающую школьное сочинение. Юноша исписал четыре листа, прежде чем заказчик иссяк.

Тот принял бумаги с таким благоговением, словно это были священные свитки. Ему пришлось пару раз кашлянуть, напоминая, что работа должна быть оплачена.

Глядя на небольшую горсть медяков на столе, он чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Десять знаков за монету — а он вывел ровно пятьсот двадцать четыре иероглифа. После округления вышло пятьдесят две монеты. Чистая прибыль!

Спрятав деньги в кошелёк, он с воодушевлением принялся ждать следующего гостя.

За весь остаток дня к нему обратились ещё четверо. Их письма были короткими и сухими, в духе «жив-здоров, не поминайте лихом, жду скорой встречи».

Впрочем, капля по капле — и море наполнится. Даже на одну монету можно было купить два пирожка с зеленью.

Когда сумерки начали сгущаться, пришёл человек забрать стол и стул. Чу Цы сдал инвентарь и отправился в обратный путь.

Уже подходя к городским воротам, он увидел детвору, играющую под деревьями, и вспомнил о своём племяннике — маленьком Сяо Юане, худом, как стебелёк.

Он вернулся на рынок. Выкупил последние семь пирожков у знакомого торговца и заглянул в соседнюю лавку за порцией солодового сахара. Эти нехитрые покупки почти подчистую

опустошили его заработок за день.

Но сюцай не кручинился. Как говорится, «растратишь тысячи — и они вернутся». С его-то талантами разве суждено ему вечно прозябать в нищете?

Домой он добрался, когда уже совсем стемнело. Матушка Чу ждала его у порога и, завидев сына, тут же поспешила навстречу.

— Сяо Эр, ну где же ты пропадал? Я уж места себе не находила от тревоги! Утром забыла сказать тебе, чтобы ты не шёл по большой дороге. Небось, опять на вепрей наткнулся?

— Не волнуйтесь, матушка, я в полном порядке, — ответил он. — Удалось сегодня немного заработать в городе, вот и задержался. Обещаю, впредь буду приходить раньше.

— Ну и слава небу. Заходи скорее, сегодня в деревне мясо делили. На пятерых нам целых десять цзиней досталось! Я велела снохе отрезать кусок побольше да в котле потомить. Поешь хорошенько, силы-то восстановить надобно.

Чу Цы кивнул и подставил матери локоть, чтобы проводить её в дом. За те десять дней, что он провел в этой семье, он заметил: у неё, похоже, куриная слепота — с наступлением сумерек она видела совсем плохо.

Он знал, что это вызвано нехваткой витамина А. Болезнь была в начальной стадии, так что со временем он просто начнёт покупать продукты, богатые этим витамином, и зрение поправится.

Войдя в комнату, он увидел Шэнь Сюнян, накрывающую на стол. Старший брат Чу Гуан чинил плуг, а маленький Сяо Юань сидел на пороге, сосредоточенно ковыряясь с двумя палочками. Малыш хмурил бровки, пытаясь соорудить из них какое-то хитрое перекрестье.

— Брат, невестка, Сяо Юань — я вернулся!

— С возвращением, Сяо Эр!

— Дядюшка пришёл!

Радостнее всех был племянник. Бросив свои палочки, он со всех ног бросился к нему:

— Дядюшка, наконец-то! Я слышал, ты в город ходил? А в следующий раз меня возьмёшь?

— Сяо Юань, не приставай к дяде, дай ему вздохнуть, — притворно рассердилась Шэнь Сюнян. Она видела, что за последнее время сын и деверь очень сблизились, но не могла позволить

ребёнку так дерзить учёному мужу.

— Всё в порядке, невестка. Сяо Юань — наш старший внук и наследник, ему полезно повидать мир, — Чу Цы улыбнулся, видя, как вспыхнули глаза мальчика. — Только сейчас я тебя взять не могу. Вот заработаю побольше денег, и тогда мы вместе отправимся в город — гулять да развлекаться.

— Дядюшка, ты лучший! — восторженно завопил Сяо Юань.

— Погоди хвалить, сначала посмотри, что я принёс.

Чу Цы выложил покупки на стол. Семь пышных пирожков: четыре с мясом и три с лесной зеленью (вообще-то зелёных было четыре, но один он съел по дороге).

А рядом лёг сверток с белоснежным солодовым сахаром. Когда промасленная бумага развернулась, глаза малыша засияли от неописуемого восторга.

— Сяо Эр... Зачем же ты столько всего накупил? — Матушка Чу растерянно смотрела на угощение.

— Матушка, я сегодня помогал людям писать письма. За одно лишь послание мне заплатили больше тридцати монет. Все эти годы семья жила в нужде ради моей учёбы, вы отказывали себе в малейшей радости... У меня сердце не на месте от этих мыслей. Это первые деньги, что я добыл своим трудом. Пусть их немного, но я хочу разделить эту радость с вами.

Слова юноши, полные искреннего чувства, растрогали близких до глубины души. Сам же он невольно поразился тому, как мало им нужно для счастья. Несмотря на то что его вклад был ничтожен по сравнению с их многолетними жертвами, они светились так, будто обрели все сокровища мира.

Тем вечером вся семья собралась за столом, с наслаждением уплетая горячие пирожки. Чу Цы под предлогом того, что уже поел в городе, взял себе только один — с зеленью.

Остальные четверо ели мясные пирожки крошечными кусочками, смакуя каждый укус так, словно перед ними были редчайшие деликатесы.

«Надо зарабатывать, и как можно больше, — твёрдо решил про себя юноша. — Завтра непременно снова отправлюсь в город»

http://bllate.org/book/15354/1412931